

ВОЙНА ГОТОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С АНТАМИ И ГУННАМИ В КОНЦЕ IV ВЕКА

Ярцев Сергей Владимирович

Д.и.н., доцент,

Тульский государственный

педагогический университет им Л.Н. Толстого

s-yartsev@yandex.ru

WAR BY THE GOTHs OF THE NORTHERN PONTIC WITH THE ANTES AND THE HUNS AT THE END OF THE FOURTH CENTURY

S. Yartsev

Summary: The article is devoted to the complex issue of the war between the Goths of the Northern Black Sea Region and the Antes and the Huns at the end of the 4th century. On the basis of a thorough analysis of written sources (the works of Jordanes and Ammianus Marcellinus) and archaeological data, the author concludes that the early Antes should be understood as a grouping of barbarians with a center in Tanais. This association included the Huns, the Alans-Tanaits, the Goths-Greutungs, and possibly even some of the early Slavs who had migrated to the Azov Sea region at that time. The author divides this war into three periods. The first is associated with the defeat of Odothaeus by the Romans in 386, which clearly demonstrated to the Goths of the Northern Black Sea coast the need to fight for their land, because resettlement in the territory of the Empire was now associated with great difficulties and dangers. The second period of the struggle of Vinitharius (Vinithar) with the allies of the Huns should be attributed to the year 395, when the main forces of the Akatziri went on a campaign to the eastern provinces of the Roman Empire and Vinitharius had a chance to defeat the remaining forces of nomads and their allies. Nevertheless, it is possible that the attack of Vinitharius and the Western Huns on the remaining Akatziri and other barbarians in the Northern Pontic was secretly sanctioned by the Romans themselves, so as to limit them in time the plunder of the Roman territories and to return the nomads who invaded the eastern provinces back in time. At the same time, the Romans remained completely on the sidelines, so as not to break the agreement and provoke the Akatziri to retaliate against the empire. As a result, the Ants, defeated by the Goths and Huns in the Northern Azov region in 395, were forced to retreat northwards, where they began to establish new centers of power. The third period of the Goths' struggle for their freedom is connected with the Gainas' rebellion of 399-400. Apparently, to a high-ranking Goth who planned to establish his tyrannical rule in the empire, the heroic struggle of the Goths of the Northern Black Sea area moved him to organize the resettlement of his formidable tribesmen on Roman territory. However, the death of Vinitharius thwarted Gainas' plans and ultimately cost the life of the most illustrious Goth in 400 AD.

Keywords: Northern Black Sea region, Bosporan Kingdom, Goths, Antes, Huns, Alans-Tanaits, Akatziri.

Аннотация: Статья посвящена сложной теме войны готов Северного Причерноморья с антами и гуннами в конце IV века. На основании тщательного анализа сообщений письменных источников (сочинений Иордана и Аммиана Марцеллина) и археологического материала, автор приходит к выводу, что под ранними антами следует понимать приазовскую группировку варваров с центром в Танаисе. Данное объединение включало в себя гуннов, аланов-танаитов, готов-грейтунгов и даже возможно представителей ранних славян, проникших в ходе миграций в указанное время в Приазовье. При этом автор разделяет указанную войну на три периода. Первый связывается с разгромом римлянами Ододея в 386 году, который отчетливо продемонстрировал готам Северного Причерноморья необходимость борьбы за свою землю, ведь переселение на территорию империи, стало сопрягаться теперь с большими трудностями и опасностями. Второй период борьбы Винитария с союзниками гуннов следует отнести к 395 году, когда основные силы акациров ушли в поход на восточные провинции Римской империи и у Винитария появился шанс разгромить оставшиеся силы кочевников и их союзников. Тем не менее, не исключено, что нападение Винитария и западных гуннов на оставшихся в Северном Причерноморье акациров и других варваров, было тайно санкционировано самими римлянами, дабы ограничить им во времени грабеж римских территорий и своевременно вернуть вторгшихся в восточные провинции кочевников обратно. При этом римляне полностью оставались в стороне, чтобы не нарушать договоренности и не провоцировать акациров на ответные действия против империи. В итоге анты, разгромленные готами и гуннами в Северном Приазовье в 395 году, были вынуждены отступить к северу, где стали создавать новые центры власти. Третий период борьбы готов за свою свободу, связывается нами с мятежом Гайны 399–400 гг. По-видимому, высокопоставленному готу, задумавшему установить в империи свое тираническое правление, героическая борьба готов Северного Причерноморья подвигла на организацию переселения своих грозных соплеменников на римскую территорию. Однако гибель Винитария сорвала планы Гайны, и в конечном итоге стоила жизни самому прославленному готу в 400 г.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, готы, анты, гунны, аланы-танаиты, акациры.

Финальная часть истории готских объединений Северного Причерноморья, по причине фрагментарности дошедших до нас источников, из-

вестна в недостаточной степени. О войне готов с антами и их союзниками гуннами нам сообщает Иордан (Iord. Get., 246–249) и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XXXI, 3,

3). Однако в данных сведениях отсутствует информация о точной локализации всех сторон конфликта, о планах варваров и ходе военных действий, а также о сопутствующих обстоятельствах указанного столкновения. Более того, указанные кровавые события пока не находят своего подтверждения в археологических источниках. Это является причиной появления в научной литературе множества различных версий произошедшей войны, в которой анты отождествляются, или с ранними объектами пеньковской археологической культуры Днепровского Левобережья, или с памятниками приазовских аланов-танаитов, а иногда даже со славянской частью носителей черняховских древностей [31, с. 194–195; 36, с. 38–40; 13, с. 181–193; 34, с. 191–198; 2, с. 42–44; 39, с. 83–88; 40, с. 195–196; 54, с. 247–250; 57, с. 20–24; 59, с. 478–481; 60, с. 308–321].

Конечно, специфика дошедшего до нас сочинения готского историка, в котором рассказывается о событиях этого сложного периода, не позволяет полностью доверять указанным сведениям. Безусловно, интерпретация эпических сказаний, которыми широко пользовался Иордан, требует дополнительной аргументации. Тем более, когда речь идет о попытке локализовать все упоминаемые там события во времени и пространстве [17, с. 227]. Тем не менее, в достаточной степени достоверный источник – «Римская история» Аммиана Марцеллина, фактически полностью подтверждает историчность борьбы готов Северного Причерноморья с гуннами в конце IV века. По большому счету, и сам текст Иордана с достаточной степенью достоверности передает нам атмосферу и характер взаимоотношений основных противоборствующих сил данного времени [17, с. 227]. Именно поэтому, мы не можем игнорировать сведения Иордана в нашем стремлении реконструировать события этого сложнейшего периода истории Северного Причерноморья. В тексте «Гетики», по-видимому, действительно смогли сохраниться эпические песни готов, в которых нашли свое отражение вполне реальные, исторические события.

О чем же свидетельствуют указанные источники? Речь в них идет о продолжении борьбы готов с кочевниками за свою независимость, уже после установления гуннской гегемонии в Северном Причерноморье. При этом объектом нападения готы решили, почему-то выбрать не самих гуннов, а их союзников – антов [51, р. 237–256.]. В ходе этой войны анты потерпели поражение, а их вождь Бож, вместе со своими старейшинами, демонстративно был подвергнут казни. Тем не менее, в ходе последующих событий, гуннам удалось разгромить войска победителя антов Винитария, а самого готского рикса убить. Археологические источники черняховской культуры позднего времени, свидетельствуют в пользу приведенной версии. Памятников ее финальной части, разумеется, уже на порядок меньше, но они все же есть,

как на территории грейтунгов, так и на землях тервингов. Для периода D₂ таких объектов становится совсем мало. Тем не менее, сохраняются прежние погребальные обряды, не претерпевает существенных изменений и костюм (хотя например, появляются крупные двупластинчатые фибулы и «хоботковые» пряжки). Некоторые же из новых предметов проникают на территорию черняховской культуры в ходе миграционных процессов затрагивающих данный регион [14, с. 26–29].

В этой связи, учитывая, что археологический материал в целом не противоречит сообщениям письменных источников, очевидно, что необходимо более внимательно отнестись ко всем деталям дошедших до нас сведений о катастрофических событиях, происшедших на просторах Северного Причерноморья, после прихода сюда гуннов. В первую очередь, заметим, что основной источник по гото-антским и гото-гуннским войнам – текст Иордана, все указанные события довольно четко делит на три хронологических периода. Первый связан с войной готов с антами, в которой готский рикс Винитарий терпит поражение. Второй период, наоборот заканчивается победой готов над антами и жестокой казнью представителей знати этого варварского объединения. Третий уже имеет отношение к последующей войне Винитария с гуннами, в которой рикс гибнет, а готы окончательно попадают под власть кочевников. Обращает на себя внимание, что указанные три группы событий довольно хорошо сочетаются с тремя внешнеполитическими перипетиями Римской империи, прямо или косвенно затрагивающими Северное Причерноморье в указанное время. Согласимся, что это вряд ли может считаться простым совпадением. Попробуем детально разобраться с этой проблемой.

Так, первый период борьбы готов Северного Причерноморья со своими врагами связан с нападением их на антов. «Про них известно, что после смерти их короля Германарика они, отделенные от везеготов вследствие ухода, подчиненные власти гуннов, остались в той же самой стране, при этом Амал Винитарий, удержал знаки отличия своей верховной власти. Он подражая власти деда Вультульфа, хотя и уступая Германарику в счастье, однако с горечью переносил подчинение власти гуннов. Понемногу освобождаясь от их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден...» (Iord. Get., 246–247). Ранее мы уже говорили, что такое нападение Винитария на своих соседей могло быть непосредственно связано с деятельностью узурпатора Максима в 383–388 гг. Возможно по планам нового провозглашенного императора поднять восстание с участием федератов Паннонии против Феодосия I, должны были готы Ододея, с которыми на запад ушло большое количество варваров из Северного Причерноморья, в том числе и с территории Крымского полуострова. Проникнуть же на

римские земли такие люди должны были, по-видимому, под видом беженцев, на что косвенно и указывает Зосим (Zos., IV, 39, 5). В конечном итоге готы были разгромлены в 386 году, и мятеж не удался [49, с. 50–54]. К сожалению обстоятельства предшествующие всем этим событиям и касающиеся причин и организации похода варваров Одотея к римским границам, так и остались неизвестными. Возможно, что единственный автор кто открывает завесу данной тайны это именно Иордан, так как новая волна миграции готов на запад, могла быть связана только с очередными катастрофическими событиями, произошедшими у них дома. Вполне возможно, что именно поражение готов от антов, про которое говорит Иордан, вызвало конфликт внутри готского общества, который и стал причиной ухода недовольных варваров в сторону Римской империи [42, с. 107–118]. По-видимому, эмиссары Магна Максима прибыли вовремя и их предложение по участию готов в очередной авантюре, легло на подготовленную почву. Тем не менее, нельзя исключать и другую версию, что именно разгром Одотея в 386 году, вызвал необходимость борьбы готов за свою независимость. Стало очевидно, что переселение на территорию империи, в новой сложившейся ситуации, стало сопрягаться не только с трудностями, но и с опасностями, вызванными агрессивными действиями римлян. Вероятнее всего, такая вынужденная миграция на римскую территорию, стала приобретать в сознании готов характер трудноосуществимого мероприятия. Таким образом, конец 80-х гг. IV века, является наиболее аргументированной датой указанных первых военных столкновений готов с антами.

Что же касается локализации и идентификации указанных антов, то однозначно, данный этноним необходимо соотносить с приазовской группировкой варваров с центром в Танаисе. Дело в том, что территория Северного Приазовья и Северо-Восточного Причерноморья в целом, являлась совершенно особым регионом для гуннов. Еще во времена Валента на Боспоре происходила довольно успешная координация действий грейтунгов, гуннов и аланов-танаитов с боспорскими властями и римской администрацией, базирующейся в Херсонесе [46, с. 253–254]. Здесь же аланы-танаиты были покорены кочевниками, и фактически отсюда стала расти мощь гуннского союза. Другими словами, сила появившихся в Северном Причерноморье гуннов, заключалась в союзе с римлянами и местными варварами, в первую очередь, аланами-танаитами (Amm. Marc., XXXI, 3,1) и готами «Гезимунда, сына великого Гуннимунда» (Iord. Get., 248), которые противостояли Винитарю. Следовательно, варвары Северного Приазовья являлись самым уязвимым местом гуннского могущества. Поэтому, для того, чтобы ослабить гуннов, необходимо было ударить именно по этому союзу, по его центру в Танаисе, по возможности полностью его уничтожив. Кроме того противопоставив друг другу различные группы кочевников, можно было

создать для гуннов совсем уже невыносимую ситуацию, в значительной степени ослабив их союз, и таким образом, постараться взять реванш за недавнее сокрушительное поражение [42, с. 107–118]. Именно этой причиной объясняется решение начать войну за освобождение готов от гуннской власти, не с нападения на собственно гуннов, а на антов. Любое другое направление удара готов в Северном Причерноморье, не ощущалось бы так для гуннов болезненно, как в сторону варваров Приазовья.

Следовательно, если с поздними антами однозначно необходимо сопоставлять пеньковскую культуру [32, с. 111–112; 33, с. 124–125; 11, с. 333, прим. 1], то с ранними антами, похоже, надо отождествлять варварский союз Северо-Восточного Причерноморья и Северного Приазовья, включающий в себя гуннов, аланов-танаитов, готов-грейтунгов и даже возможно ранних славян, проникших в регион ходе миграций в указанное время. Все эти представители указанных этносов, были объединены здесь в довольно сложную варварскую структуру, базирующуюся вокруг восстановленного древнего города. Не исключено, что именно отсюда осуществлялся контроль над варварами и координировались их действия, со стороны римлян [42, с. 110]. Гунны (по-видимому, акациры), несмотря на то, что их представители могли быть интегрированы в состав высшей боспорской аристократии [43, с. 65–66; 48, с. 774–783], кочевали в степях Северного Приазовья, Крыма, Нижнего Дона, Ставрополя, Поволжья, Южного Приуралья [16, с. 114–126]. Возможно также, что именно через Танаис акациры получали продовольствие [43, с. 63], а сам город являлся своеобразным гуннским зимником [17, с. 236], хотя кочевники здесь постоянно не жили [42, с. 110; 9, с. 171].

Памятники алан-танаитов финального для сарматской эпохи Северного Причерноморья времени, для этого региона, крайне редки [35, с. 90]. Тем не менее, судя по датировке могилы алана-танаита у с. Лосево, отход из южных степей в глубинные районы лесостепного Подонья данных кочевников произошел в самом конце IV века [26, с. 139–140; 25, с. 25]. Следовательно, до этого времени, аланы-танаиты вполне нормально ладили с акацирами в приазовских степях. Видимо не случайно, Аммиан Марцеллин говоря о тех же самых событиях войны Винитария с антами, о которых пишет Иордан, называет последних, почему-то именно аланами (Amm. Marc., XXXI, 3,3). Косвенно это подтверждает ряд преданий осетинской [53, с. 464] и адыгской устной традиции [27, с. 67], в которых отразилась борьба предков кавказских народов с готами. На этом сопоставлении была даже разработана гипотеза, в которой антами назывались те же аланы [53, с. 464; 55, с. 256; 58, с. 83–84, 106, 126, 130; 50, с. 169–189]. Однако прямое отождествление данных народов, по нашему мнению, вряд ли будет возможным. Тем более что, например, есть проблемы с адыгской частью фольклора, в которой упоминаются анты и готы (сюжет

вполне мог попасть к северокавказскому народу из византийских источников) [7, с. 90–104]. Тем не менее наличие аланов в антском объединении, не вызывает сомнений. Впрочем, это могло относиться не только к аланам, но и к некоторым другим северокавказским этносам [19, с. 49–50, 73–75].

Что же касается готов Северо-Восточного Причерноморья, то они хорошо представлены материалом небольшого могильника Синявка вблизи Танаиса, где на примере облика одной из погребенной женщины, восточногерманские элементы выражены особенно отчетливо [56, р. 162–168; 17, с. 236]. В самом же Танаисе, фиксируется смешение населения. Это хорошо просматривается, например, по материалу позднеантичного некрополя, где костюм восточногерманской схемы, в которой была облачена умершая женщина, был обшит золотыми бляшками и пронизями в соответствии с сарматской традицией [8, с. 99–101]. В целом на смешанность населения указывает и собственно материал с городища позднеантичного Танаиса [29, с. 174–202]. Однако, помимо прочего, здесь еще наблюдается и лесостепной (по-видимому, славянский) этнический компонент [29, с. 174]. Похоже, что сюда проникали отдельные представители деснинского варианта киевской культуры (типа Ульяновки), мигрирующие на юг и восток в сторону лесостепной зоны черняховской культуры и сейминско-днепровского варианта киевской культуры [28, с. 71–75; 42, с. 111]. Такой полиэтнический состав населения для Боспора указанного времени, не является чем-то особенным. Схожий материал демонстрирует другое пограничье Боспорского царства – позднеантичная Фанагория. Здесь, на некрополе указанного времени при обилии сарматоаланских элементов у погребенных, в некоторых случаях также фиксируются восточно-германские черты [23, с. 330–402]. При этом судя по находкам в слоях позднеантичного Танаиса престижных вещей, таких как пряжка со штампованным декором, помимо простых людей в городе находились и представители варварской воинской аристократии [15, с. 131].

Таким образом, ранних антов нельзя просто отождествить с аланами. По всей видимости, это сложное варварское объединение акациров, аланов-танаитов, готов-грейтунгов и представителей ряда других этносов, в том числе раннеславянского, проживающих в конце IV века на территории Северо-Восточного Причерноморья в степных районах вокруг Танаиса. Объединяла всех этих варваров политическая ориентация на Восточную Римскую империю, от которой они, в той или иной степени зависели. Еще при Валенте было организовано пребывание аристократической верхушки указанных варваров акациров, готов, аланов, в древней столице царства, непосредственно на Боспоре, на равных правах с римско-боспорской знатью [46, с. 254–255; 42, с. 110]. В дальнейшем при Феодосии I продолжалась ко-

ординация действий боспорских и римских властей со своими варварскими союзниками и в первую очередь, с акацирами, беспрецедентное усиление которых предпринималось, скорее всего, специально в качестве военно-политического противовеса против западных гуннов [43, с. 66]. Очевидно, что подобное усиление под эгидой Рима пребывавших здесь же союзных готов Гуннимунда – Гезимунда (сына и внука Эрманариха), также способствовало разделению готов Северного Причерноморья. Вероятно, римляне учитывали то обстоятельство, что на бывших готских территориях утвердился потомок параллельной генеалогической линии Винитарий – внук Вульфвульфа брата Эрманариха, что окончательно укрепляло невозможность объединения готов в будущем.

Однако, если анты это сложное варварское объединение Северо-Восточного Причерноморья, то сам этноним, обозначающий данных варваров, вряд ли может иметь славянское происхождение [4, с. 159, прим. 254; 37, с. 32]. По-видимому, не только венеты, но и анты не являлись самоназваниями славян, а первоначально обозначали другие народы на славянских перифериях, и лишь потом были перенесены на славян в языках третьих народов [38, с. 98]. Хотя конечно, полностью исключить вероятность того, что слово «анты» является фонетическим нововведением выходцев из круга праславян-венетов, мы не можем. Ведь славяне, как мы знаем, действительно входили в раннее антское объединение варваров. В этой связи заметим, что даже победитель антов готский рикс получил имя Винитарий – «победитель венетов» [38, с. 98; 12, с. 38]. Однако, в количественном отношении славянских выходцев с севера на территории окружающей Танаис, вряд ли было много. Поэтому решая проблему происхождения данного этнонима, по нашему мнению, необходимо также учитывать устоявшееся наименование Северного Приазовья к указанному времени. Дело в том, что по наиболее распространенной версии слово «анты» иранского происхождения, обозначающее живущих на краю (древнеиндийское *ántas* «конец», *ántyas* «находящийся на краю», осет. *ätt'iyä* «задний», «позади») [41, с. 266–270; 34, с. 191–192; 20, с. 24; 18, с. 193–200; 38, с. 98; 3, с. 256]. Более того, именно с подобным же пониманием данного термина, фигурирует и готское слово *andeis* «конец» [12, с. 29]. Возможно, что все это не случайно, так как в античной географической традиции именно о Танаисе сложилось устойчивое представление, как о реке расположенной на краю света (Hor. Carm., III, 10, 1; Arist. Ael. Dind., I, 183) [24, с. 5–6]. Следовательно, жители Северного Приазовья и Подонья вполне могли получить наименование «анты», в значении не столько «пограничный житель», сколько «житель края» (земли), в полном соответствии с представлениями древних об их регионе проживания.

Переходя ко второму периоду борьбы Винитария с антами, отметим, что он закончился сокрушительной по-

бедой готов над антами. Известное нам по сочинениям Иордана и Аммиана Марцеллина, описание этого нового витка военных действий, содержит необходимые подробности, которые могут позволить нам установить хронологию описываемых событий. Обратим внимание, что по отношению к антам Винитарий «стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных. Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года» (lord. Get., 246–247).

Сразу отметим, что достаточно определенное указание на годичный период в данном тексте, когда Винитарий имел возможность разгромить антов, не опасаясь гуннского ответа, явно указывают на 395 год, когда основные силы акациров находились в походе против Римской империи. Фактически, это единственный год в интересующем нас периоде, когда у готов действительно появился шанс освободиться от власти кочевников и ударить по Танаису и ближайшим окрестностям, где базировались союзники гуннов. В этой связи, напомним, что Руфин сознательно допустил нападение кочевников на римские восточные провинции, так как хотел вернуть восточную армию в Константинополь под свое командование и улучшить отношения с гуннами. Отношения с кочевниками сильно испортились незадолго до этого в 392 г. после заключения в империи нового договора с готами, что исключало возврат беглого населения Северного Причерноморья обратно под власть гуннов [47, с. 553–567]. Об уровне возникшей угрозы в Северном Причерноморье свидетельствует возведение римскими инженерами в Херсонесе в 392–393 гг. новой оборонительной стены (IOSPE, V, 5). Похоже, именно поэтому Руфин был вынужден откупиться от кочевников своим же, хотя и далеким, населением. Однако мы не видим массового появления пленного населения восточных провинций на территории Левобережья Днепра, особенно на опустевших плодородных землях, на которые кочевники стремились, в первую очередь, переселять людей [42, с. 107–118]. Если же основная масса пленных людей, которых захватили гунны во время нападения на восточные римские провинции в 395 г., не покинула пределов Кавказа, следовательно, именно в это время появились серьезные причины, помешавшие этому переселению. Может не случайно в указанное время в V в. неожиданно появляется оседлое население на Кубани и в Закубанье (впервые после исчезновения еще памятников меотов). Считается, что переселенцы, возможно, появились с противоположной стороны Кавказского хребта [21, с. 101]. Если в данной миграции, действительно участвовали пленные жители римских восточных провинций, то это может косвенно свидетельствовать в пользу резкого обострения военно-политической ситуации в Северном Причерноморье, в указанный период. Другими словами именно начавшаяся в данное время война готов с анта-

ми, нарушила изначальные планы акациров по переселению пленного населения на опустевшие земли Северного Причерноморья.

Несмотря на то, что имя Бож неясного происхождения (герм. имя *Bozo, Botz*, осетинское *büz/boz* «благодарный» [4, с. 159–160, прим. 255], персидское *boz/buz* «козел» [12, с. 32]), похоже что легенда, которую записал готский историк, со слов своих соотечественников, была передана ему через тюркское посредничество. На это косвенно указывает искусственная конструкция повествования, которая наиболее ярко проявляется при акценте на семьдесят казненных старейшин антов. Учитывая, что число «семьдесят» характерно именно для преданий кочевого мира [4, с. 160, прим. 256], можно сделать вывод о совместных действиях готов Винитария и каких-то гуннов вместе против антов. Вероятно, именно этим обстоятельством и была обусловлена специфика легенды записанной Иорданом. Более того, похоже, что недостающие подробности этой войны сохранились не только в особенностях указанного предания, но и в сочинении Аммиана Марцеллина. Из него мы знаем, что готский рикс Витимир (очевидно Винитарий Иордана) «оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою» (Amm. Marc., XXXI, 3, 3). Похоже, что именно этот союз имеет в виду Иордан, когда рассказывая о Винитарии, неожиданно уточняет, что последний вдруг «стал действовать решительнее» (lord. Get., 246). К сожалению, другие подробности войны Винитария с антами, до нас не дошли.

Тем не менее, существует еще один источник, в котором, по нашему мнению, возможно, сохранились сведения обо всех этих событиях. Речь идет о хорошо известном рассказе Приска Панийского, в котором упоминается поход гуннов в Мидию против персов. Со слов Ромула – западно-римского посла к Аттиле, гунны в страну мидян «уже давно ... совершили в нее вторжение, когда их страну охватил голод, а римляне, вследствие начавшейся тогда войны, не вмешались. Пришли в страну мидян Басих и Курсих, впоследствии прибывшие в Рим для [заключения] военного союза, мужи из царских скифов и вожди большого числа [гуннов]. Перешедшие говорили, что они прошли пустынную страну и переправились через какое-то озеро, которое как полагал Ромул было Меотидой, и по прошествии пятнадцати дней, перейдя какие-то горы, вторглись в Мидию» (Prisc. Frag., 8) [22, с. 6–7]. При интерпретации этого сообщения необходимо учитывать, что нашествие гуннов в Персию произошло достаточно давно, как о том и говорит Ромул. Это обстоятельство не вызывает возражений, так как в V веке такого похода действительно не было, он не подтверждается никакими другими источниками. Нет таких сведений и для 395 года, когда гунны совершили нашествие на восточные провинции Римской

империи [22, с. 10]. Правда у армянского историка Павстоса Бузанда есть рассказ о нападении гуннов через Армению в Мидию [22, с. 18]. Однако, если это только не анахронизм [Артамонов 52-53], то такое нападение кочевников, скорее всего, необходимо относить к 60-м гг. IV века [6, с. 6–41]. Правда в это время гунны только появились в Северном Причерноморье и располагались к востоку от Днепра, поэтому не могли передвигаться с запада на восток, как описывается в рассказе Приска. Казалось бы, это противоречит рассказу дипломата, из которого однозначно следует, что гунны Басиха и Курсиха являлись частью западной гуннской группировки «царских скифов». Поэтому, двигаясь на восток, они действительно должны были пересечь пустынные приазовские степи с Танаисом и Меотиду (скорее всего в районе дельты Дона) [16, с. 123–124]. При этом данные гунны явно следовали в сторону совершенно не известных им путей, что свидетельствует о времени, в течение которого произошла смена как минимум одного поколения у кочевников после ухода их на запад. Если они реально владели землями Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа, то отлично знали бы дорогу в Иран [16, с. 124]. Однако текст Приска этого не показывает. Наоборот, из него следует, что кочевники жили далеко не только от собственно Мидии, но даже от территорий дальних подходов к ней. То есть гунны, описанные у Приска, судя по всему, действительно двигались с запада. Следовательно, весь данный рассказ Приска имеет сложную составную структуру. В нем явно отразились несколько легендарных свидетельств о походах гуннов на восток. Один на Мидию, явно был совершен еще на самом раннем этапе появления в регионе кочевников с востока, по-видимому, с территории междуречья Дона и Волги. Второй был явно начат позднее западной группировкой гуннов с территории Придунавья на восток в сторону Танаиса и Северного Кавказа. Экспансия царских гуннов в Северное Причерноморье и покорение ими соросгов и акациров в 30-40-х гг. V в., по нашему мнению, мало подходит на эту роль. Даже, несмотря на то, что именно в это время было отправлено посольство гуннов к римлянам, в точности как в тексте у Приска [16, с. 123]. Дело в том, что про экспансию царских гуннов в Северное Причерноморье Приск рассказывает отдельно, отличая данные события от похода Басиха и Курсиха на Мидию (Prisc. Frag., 8). Более того борьба царских гуннов против соросгов и акациров, плохо согласуется, как с именами гуннских вождей Басиха и Курсиха, которым вряд ли есть место в истории V в. [22, с. 27], так и с пояснением автора о достаточной давности происшедших событий. Единственный вариант, с которым можно будет связать указанные события, это поход гуннов 395 года на восточные провинции Римской империи. Именно на данный период приходится пик серьезных потрясений в Северном Причерноморье, как в свое время и считал ряд ученых [6, с. 53; 52, р. 52–57]. Только в это время западными гуннами был осуществлен поход не на Мидию,

а в Приазовье против антов. Похоже, что именно данная западная группировка гуннов, имеющая отношение к заключению первого договора с империей, фигурирует у Аммиана Марцеллина в качестве союзников готов Винитария в борьбе против антов (Amm. Marc., XXXI, 3, 3).

Таким образом, западные царские гунны не участвовали в конфликте с империей в 395 году. Нападение на Фракию и последующий поход на римские восточные провинции совершили акациры, занимавшие территорию восточной части гуннского мира. Это подтверждает повышенное внимание к защите Херсонеса в данное время, от возведения новой стены (IOSPE, V, 5), до финансовой поддержки [10, с. 206]. Именно с ними вели переговоры Руфин, который, по-видимому, и санкционировал указанные нападения новых союзников на свои же римские провинции, ради улучшения отношений с кочевниками [47, с. 553–567]. В дальнейшем, после того как основные силы акациров ушли в сторону восточных провинций империи, западные гунны с целью подрыва усилившегося могущества акациров, вместе с готами совершили поход на окрестности Танаиса. Ромул, не случайно поясняет, что озеро, которое пересекли гунны в походе на восток, являлось Меотидой. Следовательно, за давностью лет в сказании забылось его название, но у комментаторов Ромула, имелись дополнительные сведения о проходе войска царских гуннов именно через него. Это косвенно свидетельствует о том, что со временем все указанные первые военные походы гуннов, подверглись искажениям и слились в единое предание, по сути основанное на реальных событиях похода на Мидию из Волго-донского междуречья в 360-х гг., и похода на территорию Северного Приазовья на акациров и их союзников уже из Придунавья в 395 г. Если это так, то вряд ли можно однозначно утверждать, о каких-то единых действиях различных гуннских объединений против римлян в 395 году [22, с. 13]. Следовательно, высказанное нами ранее мнение о провале римской политики по разделению и противопоставлению акациров другим гуннским объединениям также преждевременно [47, с. 560]. Не исключено, что нападение Винитария и западных гуннов на оставшихся в Северном Причерноморье акациров и других варваров, было тайно санкционировано самими римлянами, дабы ограничить им во времени грабеж римских территорий и своевременно вернуть вторгшихся в восточные провинции кочевников обратно. При этом римляне полностью оставались в стороне, чтобы не нарушать договоренности и не провоцировать акациров на ответные действия против империи.

Археологические источники в целом подтверждают выявленные нами обстоятельства и особенности войны готов Винитария с антами. Собственно следов военных действий культурные слои позднеантичного Танаиса не содержат. Вероятно, если где-то и были боевые столкновения между противоборствующими силами в указан-

ное время, то они произошли за пределами поселения. Тем не менее, очевидно, что именно с поражением антов необходимо связать странное событие, о котором говорят авторы раскопок Танаиса. В конце IV – начале V вв. неожиданно происходит резкое уменьшение площади Танаиса. По неизвестной причине жители покидают свои дома в Нижнем городе. Даже имущество в спешке было оставлено хозяевами [5, с. 21]. Очевидно, что это могло произойти только в случае появления реальной опасности, например, информации о разгроме местного войска, подошедшими к городу врагами. Так как в брошенные дома люди больше не вернулись, можно предположить о массовом переселении местного населения на другие более безопасные земли. Авторы раскопок справедливо связывают с этими событиями и исчезновение ряда населенных пунктов на правобережье и в дельте Дона [5, с. 21]. По всей видимости, местное население, не имея возможности противостоять мощной коалиции западных варваров гуннов и готов, в спешке отступило к северу, используя хорошо им известный Донской торговый путь из Причерноморья в Поочье. После нормализации ситуации, по-видимому, часть населения вернулась в свои дома. Однако многие решили выбрать более спокойный район для дальнейшего проживания. Им стал промежуточный пункт на указанном пути, с компактно расположенными поселениями с центром на Острой Луке [30, с. 305]. Анализ археологического материала данной группы Чертовицкое – Замятино, свидетельствует о наличии здесь в Верхнем Подонье, памятников связанных со степной культурой смешанного гуннского и поздне-сарматского населения южнорусских степей, а также с черняховской, причерноморской, финно-угорской и славянской традициями [30, с. 296–308]. Полиэтничность данного населения, появление здесь знати (судя по богатой женской могиле в Мухино [15, с. 130–131; 30, с. 305]), противоречат попыткам отождествления указанной варварской раннегосударственной структуры исключительно с аланами-танаитами [1, с. 166, 167] или гуннами [17, с. 238–245]. По мнению А.М. Обломского в Верхнем Подонье в данное время сложился центр объединения акациров [30, с. 304–308]. Мы же считаем, что данная концентрация памятников полиэтничного населения в Верхнем Подонье, имеет прямое отношение к тем самым историческим ранним антам, следы которых столь безуспешно ищут длительное время на просторах Восточной Европы. Разгромленные готами и гуннами в Северном Приазовье в 395 году, во время отсутствия основных сил акациров, они были вынуждены отступить к северу по хорошо известному Донскому пути. При этнической интерпретации данных памятников, особое внимание следует обратить, по-видимому, на материал причерноморской традиции [30, с. 304–308], который свидетельствует о присутствии здесь оседлого, в том числе и знатного понтийского населения [17, с. 242]. Мы пока не знаем, отступили ли еще какие-то группы местного населения из Северо-Восточного Причерноморья в другие север-

ные районы Днепровского Левобережья. Неизвестными остаются и подробности распространения власти представителями этой оседлой понтийской аристократии на огромные лесостепные пространства Северного Причерноморья. По-видимому, этому способствовал отток черняховского населения на запад, приток переселенцев с юга в Подесенье с области черняховско-киевских контактов и продвижение на юг и восток племен Подесенья – Среднего Посеймья (деснинский вариант киевской археологической культуры). Другими словами именно активные миграционные процессы на огромных пространствах лесостепной зоны Восточной Европы и Северного Причерноморья, в значительной степени содействовали смене населения и возникновению вакуума властных структур в данном регионе. В конечном итоге он стал заполняться властью, не ушедшей на запад воинской аристократии, в первую очередь имеющей антское происхождение [28, с. 91–93]. Данные процессы, вскоре привели к тому, что в первой половине V века именно здесь в районах южной части лесостепи Днепровского Левобережья, Среднего Поднепровья, междуречья Днестра и Южного Буга, а также Южного Побужья, на основе бывшей киевской археологической культуры, начинает складываться новая пеньковская культура, которая уверенно отождествляется с историческими антами V–VI вв. [28, с. 75–80]. В этой связи, учитывая достаточно сильные отличия пеньковской культуры от черняховской, очевидно, что решающим фактором, способствующим появлению и развитию новой культуры в указанных районах, стал массовый уход готов в сторону Римской империи.

Что же касается третьего периода борьбы готов с гуннами из сочинения Иордана, то из данного текста мы знаем, что, после года отсутствия (возможно вернувшийся из восточного похода) «король гуннов ... призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов!» (Iord. Get., 247–248). Не исключено, что именно эта героическая борьба готов подвигла мятежника Гайну на организацию очередного переселения своих соплеменников на римскую территорию [44, с. 32–37; 45, с. 58–63]. Во всяком случае, было очевидно, что Винитарий был в состоянии отбиться от гуннов и с минимальными потерями вывести свой народ в империю. Вероятно, только его гибель могла сорвать планы Гайны, что в конечном итоге стоило жизни и самому прославленному готу в 400 г. «Но в третьем сражении ... Баламбер, подкрavшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, что готским племенем всегда управлял его собствен-

ный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов» (lord. Get., 248–250). Подтверждает гибель готского рикса и Аммиан Марцеллин: «Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия» (Amm. Marc., XXXI, 3, 3).

Таким образом, под ранними антами следует понимать приазовскую группировку варваров с центром в Танаисе. Данное объединение включало в себя гуннов, аланов-танаитов, готов-грейтунгов и даже возможно некоторых представителей ранних славян, проникших в ходе миграций в указанное время в Приазовье. Все эти представители указанных этносов, пребывающие в Северо-Восточном Причерноморье, были объединены в довольно сложную варварскую структуру, базирующуюся вокруг восстановленного древнего города. Именно с этого места, особенно после покорения алан-танаитов, стала расти мощь гуннского союза, следовательно, здесь же находилось самое уязвимое его место.

Если же говорить о войне Винитария с антами и гуннами в конце IV века, то исходя из особенностей текстов сочинений Иордана и Аммиана Марцеллина, она может быть разделена на три периода. Первый связывается нами с разгромом римлянами Ододея в 386 году, который отчетливо продемонстрировал готам Северного Причерноморья необходимость борьбы за свою землю, ведь переселение на территорию империи, стало теперь сопрягаться с большими трудностями и опасностями. В этой связи датировать указанные первые военные стол-

кновения готов с антами, необходимо концом 80-х гг. IV века.

Второй период борьбы Винитария с союзниками гуннов следует отнести к 395 году, когда основные силы акациров ушли в поход на восточные провинции Римской империи и у Винитария появился шанс разгромить оставшиеся силы кочевников и их союзников. Тем не менее, не исключено, что нападение Винитария и западных гуннов на оставшихся в Северном Причерноморье акациров и других варваров, было тайно санкционировано самими римлянами, дабы ограничить им во времени грабеж римских территорий и своевременно вернуть вторгшихся в восточные провинции кочевников обратно. При этом римляне полностью оставались в стороне, чтобы не нарушать договоренности и не провоцировать акациров на ответные действия против империи. В итоге анты, разгромленные готами и гуннами в Северном Приазовье в 395 году, были вынуждены отступить к северу, где стали создавать новые центры власти.

Третий период борьбы готов за свою свободу, связывается нами с мятежом Гайны 399–400 гг. По-видимому, высокопоставленному готу, задумавшему установить в империи свое тираническое правление, героическая борьба готов Северного Причерноморья подвигла на организацию переселения своих грозных соплеменников на римскую территорию. Однако гибель Винитария сорвала планы Гайны, и в конечном итоге стоила жизни самому прославленному готу в 400 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Д.В. Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов / Под ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Изд-во Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 163–179.
2. Алексеев С.В. Славянская Европа V–VI веков. М.: Вече, 2005. 416 с.
3. Аникин А.Е., Иванов С.А. Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражение М.В.Грацианскому) // Византийский временник. 2014. № 73(98). С. 251–260.
4. Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1994. Т. I. С. 98–161.
5. Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. Археологические исследования и открытия / Под ред. А.А. Масленникова. Киев; М.: Институт археологии РАН, 2010. Вып. I. С. 11–21.
6. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 521 с.
7. Бгажноков Б.Х., Фоменко В.А., Бубенок О.Б., Новичихин А.М. Очерки древней и средневековой истории адыгов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 206 с.
8. Безуглов С.И., Толочко И.В. К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. Ч. I. С. 96–101.
9. Болгов Н.Н. Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.). Белгород: ИД БелГУ НИУ БелГУ, 2021. 516 с.
10. Вус О.В. Оборонительные сооружения ранневизантийского Херсона: реконструкция и развитие городской фортификации в IV – VI вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2017. №9. С. 203–247.
11. Гавритухин И.О., Казанский М.М. О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы / Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Под ред. В.С. Синики, Р.А. Рабиновича. Кишинев; Тирасполь: Изд-во Приднестровского гос. ун-та им. Т.Г. Шевченко, 2018. С. 333–354.
12. Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский временник. 2012. № 71(96). С. 27–39.

13. Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // *Stratum + Петербургский археологический Вестник*. Kichenev; Saint; Pétersbourg, 1997. С. 181–193.
14. Казанский М.М. Радагайс и конец черняховской культуры // *OIUM* / Под ред. Д.Н.Козак. Київ; Луцьк: ІА НАН України; ІІО НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2011. № 1. С. 22–32.
15. Казанский М.М. «Княжеские находки» и центры власти гуннского времени на периферии понтийской степи // *Материалы по истории и археологии Античного и Средневекового Крыма*. 2017. №9. С. 127–137.
16. Казанский М.М., Мاستыкова А.В. «Царские» гунны и акациры // *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем* / Под ред. А.Г.Фурсьева. СПб.: Факультет филологии и искусств С.-Петер. гос.ун-та, 2009. С. 114–126.
17. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннское время // *Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье»*. Вып. 1: Археология / Под ред. А.З. Винникова. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2009. С. 225–251.
18. Карсанов А.Н. Название «анты» в иранской ономастике // *Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии* / Под ред. М.В. Крюкова, А.И. Кузнецова. М.: Наука, 1987. С. 193–200.
19. Кафоев А.Ж. Адыгские памятники. Нальчик: Кабард.-Балкар. книжное изд-во, 1963. 155 с.
20. Королюк В.Д., Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н. Древняя славянская этническая общность // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья* / Под ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1982. С. 10–32.
21. Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник №1. В 2 т. Т.2: Исследование материалов Пашковского могильника №1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
22. Манасерян Р.Л. Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом. СПб.: Алетей, 2019. 118 с.
23. Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // *Фанагория. Т.1: Результаты археологических исследований* / Под ред. В.Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 330–402.
24. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
25. Медведев А.П. Сарматы в лесостепи (40 лет спустя) // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2018. №1. С. 14–30.
26. Медведев А.П., Березуцкий В.Д. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону // *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 3. С. 138–152.
27. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Кабард.-Балкар. книжное изд-во, 1958. 240 с.
28. Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в познеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.: Наука, 2002. 255 с.
29. Обломский А.М. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. Ч. 1. С. 174–202.
30. Обломский А.М. Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время // *Раннеславянский мир*. Выпуск 16: Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) / Под ред. А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2015. С. 296–308.
31. Приходнюк О.М. Некоторые аспекты изучения войн между антами и готами времен Божа // *История и археология Слободской Украины*. Харьков: Изд-во Харьковского государственного университета, 1992. С. 174–175.
32. Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. (культура пражского типа). М.: Наука, 1976. 216 с.
33. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 157 с.
34. Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М.: языки славянской культуры. 2002. 624 с.
35. Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // *РА*. 2001. №4. С. 77–91.
36. Терпиловський Р.В. Пограниччя черняхівської та київської культур // *Сто років вивчення культур полів поховань на Україні*. Київ: Інститут археології НАНУ, 1999. С. 38–40.
37. Тохтасьев С.Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // *Основы балканского языкознания*. Ч.2: Славянские языки. СПб.: Наука, 1998. С. 29–57.
38. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002. 488 с.
39. Федосов А.В. Готы и праславяне: к проблеме взаимоотношений // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2012. №4. С. 83–88.
40. Федосов А.В. Готские и славянские предгосударственные образования III–IV вв. Брянск: ООО «Буквица», 2015. 320 с.
41. Филин Ф.П. Заметка о термине «анты» и о так называемом «антском периоде» в древней истории восточных славян // *Проблемы сравнительной филологии*. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 266–270.
42. Ярцев С.В. Обстоятельства похода готов Ододея на Римскую империю // *Кондаковские чтения VI. Античность – Византия – Древняя Русь*. Материалы VI международной научной конференции / Под ред. Н.Н.Болгова. Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2019. С. 107–118.
43. Ярцев С.В. Военно-политическая стратегия императора Феодосия I в Северном Причерноморье // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2020. №9. С. 61–67.
44. Ярцев С.В. Восстание на территории Восточной Римской империи под руководством Гайны, в контексте взаимоотношений главного мятежника с Аларихом, Стилихоном и готами Северного Причерноморья // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2021. №10. С. 32–37.
45. Ярцев С.В. Некоторые особенности восстания под руководством Гайны в контексте попытки главного мятежника установить в Римской империи тираническое правление // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2021. №11. С. 58–63.

46. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. 720 с.
47. Ярцев С.В., Зубарев В.Г. О причинах нападения гуннов Северного Причерноморья на Римскую империю в 395 г. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. №12. С. 553–567.
48. Ярцев С.В., Лебединец Н.В. Еще раз о датировке строительной надписи боспорского царя Дуптуна // Власть истории – история власти. 2020. Т. 6. Ч. 5. (№23). С. 774–783.
49. Ярцев С.В., Рябцева М.Л. Особенности внешней политики императора Магна Максима в 383–387 гг. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. №10. С. 50–54.
50. Corman I. L'Origine ethnique des Antes fondée sur les découvertes ar-chéologiques dans l'espace d'entre Prout et Dniester // Arheologia Moldovei. 1996. Vol. 19. P.169–189.
51. Kazanski M. Les Huns et les Slaves // Studia antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate / Ed. D. Aparaschivzei. Bucarest: Editura Academiei Române, 2009. P. 237–256.
52. Maenchen-Helfen O. The World of the Huns: studies in their history and culture. Berkeley: University of California Press, 1973. 602 p.
53. Olrik A.R. Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1922. 484 s.
54. Rosenfeld H. Ost und Westgoten // Welt als Ge-schichte. Stuttgart, 1957. Bd. 17. H. 4. S. 245–258.
55. Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd.1-2. Bd.1: Die Ostgermanen. München, 1934. 647 s.
56. Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O. Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. 482 p.
57. Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens. 376–476. Budapest: Akademiai Kiado, Amsterdam: Hakkert, 1969, 602 s.
58. Vernadsky G. Ancient Russia. 2d. ed. New Haven: Yale University press, 1943. 425 p.
59. Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der Frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz: Böhlau, 1961. 656 p.
60. Wolfram H. Geschichte der Goten. München: Beck, 1979. 486 s.

© Ярцев Сергей Владимирович (s-yartsev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого